

ОСТОРОЖНО С ИМПЕРИЯМИ

Мысли либерала

Дмитрий ФУРМАН

Принята платформа КПСС по национальной политике. Программа, по моему, хорошая, хотя она, несомненно, не удовлетворит всех и, совершенно несомненно, не положит конец национальным конфликтам, раздиравшим последние годы наше государство и грозившим перейти в его неконтролируемый развал и кровавый хаос (хотя, будем надеяться, несколько утихомирят страсти). Но, как мне думается, в платформе, вернее, в ее осмыслении, есть один принципиальный недостаток: не ясно, что это — временная программа, рассчитанная на какой-то срок, после чего она сменится новой, что в конце концов должно привести нас к какой-то цели (к какой?), или программа «самодостаточная», реализация которой уже приведет нас к идеальному состоянию. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо рассмотреть ее место в логике нашего исторического развития.

* * *

Со времени нашей революции и возникновения СССР наше государство в национальном отношении представляло собой двойственное и противоречивое образование.

С одной стороны, основатели нашего государства видели в нем союз абсолютно равноправных народов, объединяемых революционной идеологией и задачей построения нового общества. Его связь с Российской империей мыслилась как исключительно «генетическая», временная и относительно случайная. Просто «так получилось», что этот

союз впервые возник на территории империи, но он никак этой территорией не ограничен и по мере совершения пролетарских революций в разных странах он будет расти, пока не станет всемирным союзом народов.

Поэтому в названии нашего государства нет ничего, указывающего на его национальную ограниченность. Этот Союз Советских Социалистических Республик — не союз республик, который «сплотила навеки великая Русь», не союз республик, возникших на территории Российской империи, а просто союз республик, поскольку они советские и социалистические. К этому надо добавить, что перерастание этого союза во всемирный мыслилось в эпоху его создания перспективной отнюдь не бесконечно далекой, а напротив, очень реальной и близкой.

Но с самого же начала нашего государства существовало и другое его восприятие. Для революционеров-марксистов это был зародыш всемирного социалистического государства. Но для многочисленных представителей старой интеллигенции, переходивших на службу к новой власти, оно было естественным продолжением старой России: новой, но Русской. Для громадной массы людей, большинства, не усвоившего новую идеологию или усвоившего ее поверхностно (и русских, и не русских), новое государство также было просто Русской, в которой произошла революция, Российской империей под новой вывеской. Наконец, так же воспринималось новое государство и за границей (естественно, кроме коммунистов). И надо ска-

зять, что подобное восприятие имело основанием не только «пережитки» прошлого, но и реалии настоящего.

В самом деле, ведь Октябрьская революция была не украинской или литовской, а именно русской революцией. Она победила прежде всего в историческом центре России и затем уже с революционными армиями распространилась на окраины бывшей империи. При этом, хотя наша революция с самого начала провозгласила право наций на самоопределение, говорить о добровольном объединении народов этих окраин с революционной Россией не приходится — плебисцитов и свободных выборов никто не проводил. Поэтому как бы ни воспринималось идеологически, например, вступление Красной Армии в Грузию, какая бы идеология у этой армии была, объективно это была русская армия, вступающая в обретенную на долгое время независимость окраину Российской империи. Парадокс истории заключается в том, что именно интернационализм большевиков позволил им восстановить (в основном) территориальную целостность старой империи, государство, сохраняющее старые «имперские» этнические соотношения — русский центр и «инородческие» окраины, что прекрасно понимали многие русские патриоты, которые стали честно служить новой власти.

Это второе восприятие нового государства как продолжения Российской империи, естественно, все более крепло и выступало на первый план по мере того, как отступали надежды на мировую революцию и «эсхатологические ожидания», пока в предвоенные и военные годы оно не стало чем-то вроде второй официальной идеологии, находящейся в странном симбиозе с первой, интернационалистски-марксистской. В это время окончательно складывается очень сложный, противоречивый и «яну-сообразный» характер нашего государства, одновременно — союза равноправных народов и великой России. Это противоречивость и двойственность проявляется на всех уровнях и во всех сферах.

На уровне идеологической символики,

где интернационалистские формулы (равноправие, расцвет социалистических наций и т. д.) соседствовали с русской национальной и имперской символикой (Советская Армия — преемник русской армии, у нас были ордена Кутузова, Суворова, Нахимова). Проявилось это и в нашем гимне с его удивительной формулой: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь»

На уровне национальной политики, где сознательная русификация сочеталась со столь же сознательными мерами по подъему национальных культур, когда параллельно и одновременно могли закрываться национальные школы и создаваться университеты, готовящие национальные кадры, и где постоянные «сползания» к фактическому расизму также постоянно сдерживались официальным интернационализмом.

На уровне внешней политики, где имперская идеология и интернационализм взаимодействовали самым причудливым образом. При этом имперская идеология не только вела к экспансионизму, но и сдерживала его, ибо мелочно восстанавливая имперские завоевания старой России (вплоть до Порт-Артура, особых интересов в Маньчжурии и возрождения лозунгов о Боспоре и Дарданеллах), Сталин одновременно боится переходить границы старой империи и разрушить основные этнические соотношения государства, включив в него восточноевропейские страны (чего, безусловно, не побоялись бы в 20-е годы).

На уровне государственного устройства, где Россия — единственная союзная республика без своей столицы, партии, и, соответственно, ЦК, Академии Наук и т. д., ибо подразумевается, что общесоюзная столица, ЦК, академия и т. д., — это «в основном» русские ЦК и академия, и появление наряду с ними российских, практически означало бы разрушение того молчаливого отождествления России и СССР, на котором базируется наше государство, «распад империи».

Такая крайне противоречивая ситуация могла держаться лишь в условиях тоталитарной диктатуры, достаточно мощ-

ной, чтобы не позволять одной из сторон этого противоречивого единства «взять верх» над другой, которая не допускала бы ни подъема окривинного национализма, ни чрезмерного роста русского шовинизма. При этом все многочисленны и естественны ивциональные противоречия были загнаны вглубь, спрятаны от глвз. И они не «рассасывались», а накапливались в силу совершенно объективного, естественного хода вещей — подъема культуры ранее отсталых окраинных народов, становления мощной национальной интеллигенции и бюрократии, не желающих больше занимать неполноправное положение. При этом свма русификация велв к подъему национальных движений, создавая маргинальные группы с обостренным этническим чувством — вспомним, что и во главе национальных движений в Индии или на Цейлоне вставали не традиционные группы, а люди, прекрасно говорившие по-английски, окончившие Оксфорды и Кембриджи. Наконец, росту национальных чувств способствует и естественный унадок скрепляющей «империю» идеологии догматического марксизма. При этом растет и русский национализм, дестабилизирующий «империю» «с другого конца» и сейчас таким же парадоксальным образом способствующий ликвидации «великой России», как в свое время интернационализм способствовал ее сохранению. Одним словом, в котле все более накапливался пар, и естественно, что демократизация — открытие крана — привелв к тому, что удерживать этот кран в руках уже невозможно или, во всяком случае, крайне трудно.

* * *

Наше руководство, начав процесс демократизации, безусловно, не предполагало, что он приведет к национальному взрыву тех масштабов, которые мы наблюдаем сейчас. Возможно, здесь сказались наш «матернализм», убежденность, что главное — экономика, и мне кажется, что даже сейчас господствует представление, что взрыв национализма — нечто временное, связанное с недостаточной политической зрелостью, экономическими трудностями и т. д.,

надо переждать, кое-что подправить, и все встанет на свои места. Но мне думается, что это не совсем так.

Разумеется, все это есть. Разумеется, очень многое в современном взрыве ивциональных конфликтов — болезнь роста. Но все же это не главное. Главное — это то, что наше государство — это не союз наций, имеющих (реально, а не на словах) право ив самоопределение и объединившихся добровольно. Между тем право наций ив самоопределение, как и вообще все демократические права — это не бльвое пожелание. Это — не лозунг, унаследованный нами из прошлого, а сила «притягивающая» ивс из будущего, одна из энтелехий нашего развития (как демократия, правовое государство, свободная экономика).

Это — объективная потребность современного развития, уже разрушившая все империи, все недобровольные межнациональные образования, кроме последнего, спрятавшегося за нашим фасадом, но обреченного так же, как была обречена Османская или Британская империя. У нас нет альтернативы — сохранить эти добровольные имперские связи, скрепляющие наше государство, или утратить их. Есть лишь альтернатива — утратить их в кровавой каше, пройдя через целую серию войн (подобных кровавой каше, возникшей при распаде английской империи в Индии, бельгийской в Конго и т. д.) или утратить их постепенно, мирно и планомерно, максимально сохраняя взаимовыгодные связи между народами, переводя их, где возможно, из недобровольных в добровольные. Вполне вероятно, хотя это и очень трудно, что нам удастся сохранить много таких связей, но надо четко понимать — эта новая федерация будет принципиально новым государственным образованием, а не «подправленным» Советским Союзом, как Британское содружество наций — не новое издание Британской империи, а обрвзующаяся западноевропейская федерация — не новое издание средневековой Священной Римской империи.

Но что значит — планомерное разрушение недобровольных связей? Это значит, прежде всего, что мы должны отказаться от демагогических утвержде-

ний, что у нас уже есть право наций на самоопределение. Его нет хотя бы потому, что еще и тех демократических институтов, посредством которых нации могли бы адекватно выражать свою волю и осуществлять это право. Но одновременно мы должны признать, что право на самоопределение — наша конечная цель (как оно есть одновременно объективная потребность современного развития), цель, к которой мы будем идти сознательно, постепенно и планомерно.

Я думаю, что именно в этом ключе надо понимать и платформу КПСС по национальной политике. Ее безусловно нельзя считать средством решения всех национальных проблем. Но и не надо нападать на нее за ее многие и совершенно неизбежные компромиссы и недоговоренности. Надо четко понять, что хотим мы этого или не хотим, это — программа-минимум, а не максимум, это шаг на пути к конечной цели — праву на самоопределение, за которым нам, опять-таки, хотим мы этого или не хотим, придется делать следующие шаги.

Мне думается, что такое провозглашение права наций на самоопределение целью, а платформы — ступенью к достижению этой цели, помогло бы в какой-то мере смягчить остроту современных конфликтов. Сейчас многие прибалты, молдаване, грузины рассуждают лишь в плане — свобода или не свобода, выходим мы из Союза или нет, есть ли у нас такое право или нет. Но ведь дело не просто в этом праве, дело еще и в том, чтобы имеющие это право народы могли бы одновременно быть демократическими обществами, живущими в мире и дружбе со своими демократическими же соседями.

Попробуем представить себе на минуту, что мы сейчас уводим все войска с Кавказа, предоставив Кавказ самому себе. Но это же совершенно кошмарная перспектива — ведь совершенно очевидно, что Кавказ тут же превратится во второй Ливан. Или представим себе, что Союз распался, Россия вернулась на территорию Московской Руси, но измученный, невротический и униженный русский народ устанавливает диктатуру фашистского типа — желает ли Эстония иметь такого соседа? Значит, дело

не только в праве на самоопределение, дело еще и в том, чтобы мы все вместе дошли до той стадии развития, при которой осуществление этого права не привело бы к катастрофическим последствиям.

Эти катастрофические последствия слишком быстрой реализации права на самоопределение тысячекратно усугубляются тем, что СССР — ядерная держава, а представить себе опасность неконтролируемого распада ядерной державы предоставим любителям острых ощущений.

Поэтому мне думается, что параллельно с признанием права на самоопределение и исторической неизбежностью и нашей конечной целью (но только в этом случае), мы должны одновременно, как это ни кажется парадоксальным, принять серию мер, направленных на подавление движений, дестабилизирующих Союз. Мы не можем сказать, что мы вообще никогда не допустим, чтобы Эстония вышла из СССР. Но мы можем сказать твердо и жестко, что мы не допустим этого, пока в Эстонии и во всем СССР не установятся прочные и развитые демократические институты, пока мы осуществляем болезненную экономическую реформу, пока сами эстонцы не пришли к согласию со своим русским национальностью.

Признание неизбежности конечного полного осуществления права на самоопределение не означает «либерализма» к тем, кто не хочет думать ни о чем, кроме немедленного осуществления этого права и разжигает национальные страсти. До сих пор мы в национальном вопросе двигались стихийно, влекомые непонятными для нас силами, — колеблясь между неумелыми и даже жалкими проявлениями «великодержавной» силы (резня в Тбилиси, «стальные нотки» в заявлении о Прибалтике) и такими же проявлениями «либеральной» слабости. Но и «великодержавной» силе, и «либеральной» слабости есть альтернатива: это четкое сознание того, куда влекут нас объективные, закономерные процессы нашего развития, и сознательное, целеустремленное, осторожное, но твердое движение в этом направлении. Програм-

ма КПСС — сознательный шаг в верном направлении. Но для того, чтобы он был эффективен, чтобы вслед

за ним не было шагов назад или в сторону, или просто стояния на месте, надо видеть весь путь.

Люди — прежде наций

Мысли консерватора

Олег ПЧЕЛИНЦЕВ,
кандидат экономических наук

Учащающиеся межнациональные конфликты ложатся тяжелым бременем на страну, ведут к нравственной деградации миллионов людей, особенно молодежи. В этой связи естественно желание понять: что же это за «национальный вопрос», имеет ли он решение, и если да, то что нам делать?

Я принадлежу к той разновидности консерваторов, которые убеждены: в нормальных условиях жизни «национальный вопрос» — второстепенный. В современном мире есть тысячи вопросов более важных — технологические, экономические, социальные, экологические, культурные и т.д. Все светлое в жизни человечества связано с формированием универсальной культуры, и любая вспышка специфически национальных эмоций является шагом назад, признаком духовного и нравственного нездоровья личности и ее общества. Символом национального для людей моего поколения навсегда останутся не выступление фольклорных ансамблей, а поступь нацистских штурмовых отрядов по улицам городов Германии. Апофеоз национализма — Освенцим.

Нынешнее обострение межнациональных отношений в СССР в огромной степени связано с отсутствием пока в нашей стране того уровня экономических свобод и ответственности, который позволил бы людям заняться стоящим делом, скажем, преодолением нашего позорного технологического отставания

от Запада, улучшением своей жизни. Даже в наиболее развитых республиках Прибалтики отказываются видеть в так называемых «мигрантах» своих сограждан и наивно верят, что с их выдворением тотчас наступит европейский рай. Увы, всякое деяние несет в себе возмездие. Чтобы изолировать, изгнать (или что еще менее вероятно, ассимилировать) сотни тысяч своих незваных сограждан, национальное движение должно развить в себе такие антидемократические свойства, которые закрывают ему вход в современную Европу.

В своих раздумьях по национальному вопросу я переходил от простодушной доктрины ассимиляции к впечатляющему «открытию» нации (что примерно соответствует нынешней стадии решения этого вопроса в СССР) и лишь в самое последнее время к менее знакомой читателям концепции межнациональной интеграции. Сразу замечу, эта последняя является официальной доктриной такой солидной страны, как Канада, и, по-моему, позволяет избежать крайностей явно не подходящего нам опыта решения национального вопроса в странах Западной Европы, с одной стороны, и США, с другой.

Западноевропейский опыт основан на формировании монолитного государства одной нации, и использование его в странах, с уже сложившимися многонациональным населением, предполагает мучительную хирургию массовых, по сути дела, насильственных депортаций. В от-